

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ОСЕТИНОВЕДЕНИЯ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВВ.

Г. И. Цибиров, С. Г. Кцоева

В статье анализируется процесс формирования и развития осетиноведения как направления научных исследований. Фундаментальный вклад в этом направлении принадлежит российским ученым четвертой четверти XVIII – первой трети XIX в. Укрепление связей России с Северным Кавказом в последней трети XVIII в., присоединение Северной Осетии к России в 1774 г. позволили российской науке заложить прочную основу осетиноведения как одной из составных частей научного кавказоведения. Таким образом, можно утверждать, что научное осетиноведение в русской науке берет свое начало с 70-ых гг. XVIII в. Именно с этого времени начинается планомерный сбор различных материалов о жизни и быте осетин, делаются попытки обобщения этих материалов. В статье освещается роль Российской Академии наук в становлении и развитии научного кавказоведения, анализируется вклад участников Академических экспедиций в деле сбора ценного материала о быте, нравах, хозяйстве и социальных отношениях у народов Кавказа, в том числе у осетин. Дана оценка сведениям об осетинах, сообщенных И. А. Гюльденштедтом, П. С. Палласом, В. М. Бакуниным, И. Болгарским, Я. Рейнеггом, П. Г. Бутковым, А. М. Шегреном, Г. Ю. Клапротом и др.: они отличаются богатством и разнообразием фактического материала, в основном достоверны; дополняя друг друга, дают общую картину. При изучении различных сторон жизни населения авторы вели личные наблюдения, пользовались информацией сведущих лиц – представителей местной администрации, духовенства и других. Точность сообщенных авторами сведений в ряде случаев подтверждается путем их сопоставления с официальными документами и позднейшими литературными источниками.

Ключевые слова: научное осетиноведение, Российская Академия наук, И. А. Гюльденштедт, А. М. Шерген, Г. Ю. Клапрот.

Для цитирования: Цибиров Г. И., Кцоева С. Г. Становление и развитие научного осетиноведения XVIII – первой трети XIX вв. // KAVKAZ-FORUM. 2023. Вып. 14 (21). С.90-104. DOI: 10.46698/VNC.2023.21.14.004

Формирование серьезного научного интереса к изучению Осетии и осетин началось со времени ее вхождения в состав России в 1774 г. Вновь включенные в состав России земли требовали всестороннего изучения их природных богатств и самого населения. Разрешение этой важной и сложной проблемы было возложено на Российскую Академию наук. Еще в 1768 г. она организовала три экспедиции на север, восток и юг. Ру-

ководителями экспедиций были назначены крупнейшие ученые. Профессор П.С. Паллас, доктор и адъютант И.И. Лепехин, профессор И.П. Фальк возглавляли «Оренбургские» экспедиции, а доктор И.А. Гюльденштедт и профессор С.Г. Гмелин возглавили «Астраханские» экспедиции.

Участники экспедиции проводили изыскания геологического характера, выясняли нахождение полезных ископаемых, определяли уровень развития сельского и других отраслей народного хозяйства. Они собирали сведения о состоянии народного образования, медицинского обслуживания населения. Предусматривалось также изучение материалов по этнографии.

Руководителем одной из экспедиций был назначен Иоганн Антон Гюльденштедт. С 1770 по 1773 г. его экспедиция объездила различные районы Северного Кавказа, в том числе и Осетию. На Кавказе во время путешествия Гюльденштедту большую помощь оказывали кабардинские князья Арслан-бек-Таусултан, Девлетуг Келемет, осетинские старшины Темир-Султан и Ахмет, придерживавшиеся русской ориентации. Гюльденштедта сопровождали переводчики из числа местного населения, понимавшие русский, осетинский и грузинский языки, знавшие удобные дороги. Это немаловажное обстоятельство содействовало успеху деятельности Гюльденштедта, который получал из первых рук относительно добротные фактические сведения.

Главным трудом И.А. Гюльденштедта, изданным в двух томах в 1787-1791 гг., является «Путешествие через русские земли и кавказские горы». Труд Гюльденштедта о Кавказе является первым и наиболее основательным описанием этого края. Сведения об Осетии, сообщаемые ученым, можно разделить на две основные группы. Первая касается географических описаний, вторая содержит наблюдения и предположения, а также сведения, полученные им от других лиц. Сведения Гюльденштедта надежны, и в этом заключается их научное значение. Они включают в себя описание деревень, отраслей сельского хозяйства, ремесел, промыслов, методы ведения хозяйства. Говоря об общем состоянии тогдашней Осетии, Гюльденштедт указывает на разобщенность осетинских обществ и непрекращающуюся вражду между ними, отсутствие централизованной власти. Гюльденштедт первым дал описание земледельческих орудий горцев Северного Кавказа, показал наличие торговых отношений между жителями северных и южных склонов Кавказского хребта. Хотя ученый и указывал, что «у осетин имеются князья и дворянство, которые, однако, не были ни богатыми, ни могущественными», он не смог правильно определить уровень общественного развития осетинских обществ. Поспешны и утверждения Гюльденштедта о том, что жители горских обществ «не зна-

ют ни законов, ни послушания». В этом утверждении, скорее всего, сказывается незнание автором обычного права, то есть неписаного закона горцев. Фактический материал, собранный и опубликованный Гюльденштедтом, при всей его предвзятости в отношении оценки культуры и психологического склада осетин, имеет первостепенное значение для изучения истории, этнографии, культуры и экономики Осетии. Историки-кавказоведы часто обращаются к тем сведениям о хозяйстве и быте народов Кавказа в XVIII в., которые им сообщены.

Другим участником «академических экспедиций» об Осетии был П. С. Паллас. Материалы об осетинах и о других народностях Кавказа, приведенные в работе П. С. Палласа «Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.», носят обзорный характер, о чем свидетельствует и само название работы. Первый сводный труд о народах России под названием «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» принадлежит другому участнику «академических экспедиций» И. Г. Георги. Появление этой работы свидетельствовало о том, что русская наука в результате кропотливой собирательской деятельности, проводимой Российской Академией наук и другими учреждениями, накопила достаточное количество необходимого материала для составления подробного этнографического обзора всех народностей и племен, населявших Россию. При описании кавказских народов автор использовал в основном материалы путешествия И. А. Гюльденштедта по Кавказу. Пользуясь ими, И. Г. Георги не ограничивается простым их изложением. Он стремится по-новому осмыслить и обобщить данные своего предшественника. Характеризуя общественный строй осетин, автор отмечает, что они «имеют у себя князьков и дворянство», которые «весьма небогаты».

Ведущим видом хозяйственной деятельности осетин И. Г. Георги считает скотоводство. «Доходы их состоят... в скотоводстве, небольшом земледелии, чрез что могут они жить без всякой нужды». Если в определении соотношения между отраслями хозяйства у осетин автор прав, то относительно житья «без всякой нужды» он явно грешил, ибо тяжелые условия жизни основной массы осетин в то время общеизвестны. Указывает автор и на наличие торговых связей между горцами и русскими поселенцами на Кавказской линии.

Немало внимания уделяла русская наука в XVIII в. и такой сложной проблеме, как происхождение народов. Вопрос о происхождении осетинского народа впервые был выдвинут русским академиком Г. Ф. Миллером. Анализируя труды римских историков и европейских путешественников, Г. Ф. Миллер высказал следующее предположение: «Карпини и Рубруквис

в тринадцатом веке упоминают об аланах... Первый равняет их с черкассами и дает им прозвание ассы, которые, кажется, в сродстве нынешними осетами» [1, 15]. Свое предположение Г.Ф. Миллер не стал аргументировать, хотя оно имело важное значение для разъяснения этногенеза осетин. Независимо от Г.Ф. Миллера теорию об аланском происхождении осетин выдвинул и другой видный ученый, почетный член Российской Академии наук И.О. Потоцкий. Таким образом, русская наука к началу XIX в. вплотную подошла к правильному решению вопроса о роли алан в этногенезе осетин, усматривая в них непосредственных предков осетинского народа.

Так или иначе, но именно с этого времени начинается систематический сбор различных материалов о жизни и быте осетин и попытка их обобщения. Эта последняя особенность постепенно становится ведущей и характерной чертой всей последующей историографии, относящейся к Осетии.

Подводя краткие итоги зарождения научного осетиноведения в XVIII в., необходимо, прежде всего, отметить определенные достижения русской науки в этой области знаний. Опубликованные в тот период работы предопределили дальнейшее всестороннее развитие осетиноведения в XIX в.

С первых десятилетий XIX в. научное знакомство с народами Кавказа стало неуклонно расти, что было связано с присоединением Грузии к России и активизацией политики Русского государства в кавказском вопросе.

Особенно большой интерес русские ученые проявили к истории и этнографии Кавказа. Обширные исторические и этнографические материалы, относящиеся ко всем народам Кавказа (за исключением армян), были собраны историком Петром Григорьевичем Бутковым.

Находясь в течение длительного времени на государственной службе, П.Г. Бутков в то же время занимался активно научной работой, за что в 1841 г. был избран членом Академии наук по отделению русского языка и словесности. С 1801 по 1802 г. П.Г. Бутков был правителем канцелярии генерал-лейтенанта К. Ф. Кнорринга. Пользуясь своим положением, он собрал документы и материалы официальной переписки русских властей на Кавказе. Работу по сбору материалов Бутков продолжал в течение всей своей жизни.

Крупный вклад внес П.Г. Бутков и в дело разработки вопросов древней истории России. Его труд «Оборона летописи русской, Нестеровой, от навета скептиков» высоко ценил В.Г. Белинский, писавший, что «книги, подобные «Обороне летописи русской» – истинная редкость не только в нашей, но и в какой угодно европейской литературе» [2, 299-300].

Как исследователь-кавказовед П.Г. Бутков известен своим трудом «Материалы для ранней истории Кавказа с 1722 г. по 1803 г.». Труд этот охваты-

вает незначительную часть того материала, который был собран и извлечен им из различных архивных источников и опубликованных сочинений.

Петр Григорьевич оставил большое рукописное наследие, сосредоточенное в настоящее время в Архиве РАН [3, 149-155]. Бутков одним из первых в русской исторической науке задумал составить сводный труд по этнографии Кавказа, но осуществить этот план ему не удалось. Петр Григорьевич был глубоко уверен в том, что его труд не пропадет даром. Свидетельством этому являются его слова на рукописи: «Это давний мой труд. В руках искусных он может быть хорошо обработан с помощью новых сведений, указанных насчет Кавказа и в других о том крае сочинениях» [4, 1].

Среди архивных документов П.Г. Буткова привлекает к себе внимание черновой набросок рукописи под названием «Попытка к составлению древней истории осетинцев, т.е. подонских ясов в русских летописях; по имени сих ясов Азов и Азовское море называются». В этой незавершенной работе Бутков сделал ряд правильных теоретических выводов, выдержавших испытание временем. Так, указывая на миграции племен на Кавказе, он пишет: «Усилившееся в течение веков народонаселение в Кавказе при ограниченности удобных мест к земледелию могло понуждать кавказцев искать иных мест для жилища по примеру древнейших переселений» [4, 113].

Для Буткова *асы, ясы, аланы, языги* представляют собой предков современных ему осетин. Исходя из этого, ученый хотел обосновать тезис, что и названия Азов и Азовское море происходят от названия *ас*. Такая постановка вопроса не нашла поддержки в исследованиях последующих ученых. Не являясь специалистом в области языковедения, Бутков иногда брал за основу доказательств своих гипотез лишь внешнюю сторону фонетического сходства ряда топонимических и этнических терминов. Так, он хотел выявить этимологию термина *савроматы* от названия села Заур, расположенного по Военно-Грузинской дороге.

Крупный исследователь русского летописного фонда П.Г. Бутков не мог не обратить внимание на материалы, относящиеся к истокам дружбы русского и кавказского народов. Этой теме посвящена его статья «О браках князей русских с грузинками и ясынями в XII веке», опубликованная в журнале «Северный Архив» [4, 113].

В этой небольшой статье П.Г. Бутков сообщает ряд ценных сведений о династических связях между аланами-ясами и древнерусскими князьями, свидетельствующих об экономических, политических и культурных связях между обеими народностями в домонгольский период. Здесь же автор указывает на существование епархии у осетин. «Не излишним считаю повторить, – говорит он, – что ясы кавказские и донские, быв издрев-

ле христиане, еще и в 1453 г. составляли епархию, зависимую от патриаршества Цареградского» [5, 328].

Об уровне развития русского кавказоведения и, в частности, осетиноведения к началу XIX в. мы можем судить по «Географическому словарю Российского государства», изданному в Москве в 1801-1809 гг. Материалы путешественников, в которых имелись сведения о Кавказе и об осетинах, издавались в основном на немецком и французском языках и были известны лишь в узких кругах, в то время как словарь был более доступным для широкой читающей публики.

Авторами «Географического словаря Российского государства» были Лев Максимович и Афанасий Щекатов.

Отдельная статья под названием «Осетинцы, осетины или оссы» посвящена осетинам. При написании данной статьи авторы в основном пользовались работами И. А. Гюльденштедта, повторили его выводы о половецком происхождении осетин.

В другой статье «Кавказские народы» сделана попытка общего этнографического обзора кавказских народностей. В ней авторы пытаются дать обобщающую характеристику общественного строя кавказских народностей. «Все они языками различны, а образом житья и законом по большей части сходны и управляются собственными начальниками. Все тамошние области, вообще как будто бы составляют одно, из многих малых вельможных правлений состоящее, непорядочное вельможами управляемое государство» [6, 22]. Указываются виды занятий: «Главные промыслы кавказцев состоят в земледелии и скотоводстве; причем многие производят также простые ремесленные работы и торги» [6, 25].

В начале XIX в. Российская Академия наук успешно продолжала собирание материалов по истории, культуре и быту отечественных народов усилиями ученых самых различных специальностей.

В 1807-1808 гг. по поручению Академии наук лингвистом-ориенталистом Г. Ю. Клапротом обследовалась культура и быт адыгейцев, абазин, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, осетин, горных грузин и других народностей Северного Кавказа. Об этом путешествии тогдашняя пресса сообщала, что «области по ту сторону Кавказа... уже обозрены Гюльденштедтом, Гмелиным и другими в ботаническом и зоологическом отношении, ... цель нынешнего отправления относится преимущественно к историческому, филологическому и минералогическому исследованиям» [7, 235]. Подробные наставления Клапрот получил от графа Яна Потоцкого. Российская Академия наук не ограничивала Клапрота ни во времени, ни в средствах, о чем сообщалось, что «поскольку предмет его состоит в точнейшем познании Кавказа, то он (Г. Ю. Клапрот – Г. Ц., С. К.) должен

употребить столько времени на свое путешествие, сколько для достижения сего нужно» [7, 237].

Выехав из Петербурга 15 сентября 1807 г. в сопровождении своего секретаря студента Ф. Бобринцева, Клапрот 1 ноября прибыл в Черкасск. Побывав в Ставрополе и Георгиевске, путешественник вынужден был изменить свой первоначальный маршрут из-за разразившейся чумы в горах и многочисленных карантинных пунктов.

Из Моздока Клапрот совершил поездку во Владикавказ и посетил осетинские села, расположенные по Военно-Грузинской дороге. Направляясь в Тбилиси, Клапрот ознакомился с осетинами Кудского и Трусовского ущелий. 24 марта Клапрот прибыл в Тбилиси. Отсюда он совершил поездку в Джавское ущелье, побывал во многих осетинских селах, расположенных по течению Большой и Малой Лиахвы. По возвращении из Тбилиси в Моздок Клапрот в течение лета объехал Малую и Большую Кабарду. Во время этой поездки он побывал и в Дигорском обществе.

Путешествие Клапрота по Кавказу закончилось в 1809 г., а спустя два года Академия наук командировала Клапрота в Берлин. Воспользовавшись этой командировкой, он навсегда оставил Россию.

Обязанный большинством своих сведений и материалов Российской Академии наук, он, однако, ничем не выразил ей своей благодарности.

Уже дореволюционные ученые обращали внимание на то, что, «несмотря на способности к изучению языков и усиленные занятия ими, из Клапрота не выработался первоклассный ориенталист, быть может, потому, что он брался за языки самые разнообразные по составу и строю, и до всего доходил самоучкой» [8, 728-729].

Об этом же говорил и известный исследователь осетинского языка академик А. М. Шегрен в письме академику Френу от 27 апреля 1836 г.

Он писал: «Я все более и более убеждался в том, что работы Клапрота являются малонадежным путеводителем. Список осетинских слов, приведенный Клапротом, кишит всякого рода ошибками и только очень маленькая часть из них может рассматриваться, как совершенно точная» [9, 180].

Тем не менее сведения Клапрота об осетинах представляют ценный фактический материал по истории и этнографии осетинского народа начала XIX в.

Касаясь вопроса о происхождении осетин, Клапрот один из первых использовал сведения грузинских и армянских источников, а также материалы русских летописцев. Вслед за Я. Потоцким, с которым он поддерживал дружественные отношения, Клапрот выдвинул положение о генетической связи осетин с аланами.

Характеризуя феодальные отношения в среде осетин, Клапрот указы-

вал, что «все старейшины у осетин имеют своих собственных крестьян, рабов, купленных или пойманных, прислуживающих им в доме, а также свободных подданных» [10, 171].

По своему образу жизни такие старшины резко выделялись среди других. «Каждый старшина, – пишет Клапрот, – имеет один опрятный дом, другой – предназначенный для гостей и третий – для хранения необходимых в хозяйстве вещей и приготовления пищи» [10, 170-171].

Клапрот дает подробную картину экономической жизни осетин в начале XIX в. Наблюдая способ обработки земли осетинами, он заметил, что «обрабатывать землю в горах очень трудно, так как скалы лишь в редких местах покрыты тонким слоем желтой глины... Поля почти всегда расположены на крутых и обрывистых склонах, так что возделывание их очень затруднительно» [10, 171].

На этих скудных полях осетины сеяли озимую и яровую пшеницу, овес, просо и в незначительном количестве возделывали горох, фасоль, кукурузу, огурцы, коноплю и табак [10, 172].

В начале XIX в. меновая торговля еще сохранилась, но, как отмечал Клапрот, горные жители чаще стали прибегать к деньгам. «Прежде оплату (проводников – Г. Ц., С. К.) производили рубашками или другими товарами», но со времени присоединения Грузии к России «жители гор лучше узнали цену денег» [10, 128].

Г. Ю. Клапрот завершает цикл академических путешествий, посвященных изучению Кавказа. Будучи хорошо знаком с материалами путешественников-кавказоведов Клапрот обобщил и углубил их наблюдения.

В результате академических экспедиций XVIII и XIX вв. было накоплено большое количество необходимого материала, позволившего ученым приступить к научному изучению истории и языка осетин.

Начало научного изучения осетинского языка связано с именем Андрея Михайловича Шегрена. Вся его жизнь является образцом самоотверженного служения науке.

Отправляясь на Кавказ, А. М. Шегрен ясно представлял себе цели своей научной работы. Он писал: «Кроме татарского и грузинского языков, составляющих для меня и цель, и средство, я займусь еще в особенности осетинским», а также «точнейшим исследованием осетинских нравов и обычаев» [11, 325].

Весной 1836 г. Шегрен прибыл во Владикавказ, где приступил к изучению осетинского языка. Большую помощь ученому оказали помощник осетинского пристава прапорщик Петр Жукаев и тогдашний протоиерей Владикавказа Шио Двалишвили. Особенно тепло отзывался Шегрен о Жукаеве, природном осетине, но притом знающем хорошо и русский

язык, которому грамматически выучился он в Тифлисской духовной семинарии. При исследовании осетинского языка Шегрен старался изучить его диалекты, наречия и с этой целью свою работу «продолжал в разных местах в самых горах, в Дигории, западной части Осетии и в осетинской, дигорскими выходцами населенной, деревне на линии между городами Екатериноградом и Моздоком» [12, 10].

Шегрен был очень трудолюбивым ученым. Стиль его работы можно характеризовать его же словами: «Дела человеческие, конечно, даже при всех стараниях, остаются несовершенными, почему и надобно всевозможно стараться о достижении совершенства» [13, 84].

В конце 1837 г., завершив сбор необходимого материала для своей научной работы, Шегрен возвратился в Петербург.

Свое пребывание на Кавказе Шегрен подытожил следующими словами: «Я имел удовольствие оставить Кавказ с тем внутренним убеждением, что успел сделать все, что было мне только возможно, и в исходе 1837 года возвратился в Петербург, совершенно лишенный зрения на поврежденном уже прежде глазе... Но обогащенный изобилием и, по возможности, достоверными материалами к пространному грамматическому изложению осетинского языка» [12, 10].

Передовой представитель русского просветительства первой половины XIX в. А. М. Шегрен предвидел, что его труд явится могучим средством культурного общения и идейного сплочения людей в условиях ломки устаревшего феодально-патриархального быта горцев. Он глубоко верил, что книга его «принесет пользу учителям в таких кавказских учебных заведениях, в которые стали вступать и осетинские дети, которых число со временем еще более умножится, а особенно если и самый язык сделается, как и должно быть, предметом учения» [12, 14].

В 1844 г. Шегрен издал свой труд под названием «Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским». В ученом мире работа Шегрена была высоко оценена. Комиссия по присуждению Вольнеевской премии в своем донесении указывала, что это «творение ученое и добросовестное, которое впервые знакомит во всей подробности с одним из самых важных и занимательных наречий» [8, 23].

После тщательного изучения языка осетин Шегрен составил осетинский алфавит на основе русской графики. К этому побудила его мысль, высказанная им в предисловии к осетинской грамматике: «Соображая как будущую судьбу самих осетинов, так и предпочтительную склонность тех из них к русскому письму, которые знали то и другое, я решился в надежде на вернейший и лучший успех принять за основание русский алфавит» [12, 14].

Создание Шегреном алфавита и грамматики осетинского языка, по словам выдающегося советского ученого В.И. Абаева, «дало мощный толчок культурному развитию в Осетии. Оно разбудило дремавшие силы одаренного народа» [14, 27].

Научные интересы Шегрена были очень обширны и не ограничивались только изучением языка. Он является автором широко известной работы «Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях».

Описывая религиозные верования осетин и других народностей Кавказа, Шегрен одним из первых в научной литературе правильно указал на их синкретизм.

Бытовавшие в среде горцев обряды и культы являлись пережитками общинно-родового строя и в различной степени перемешались с религиями, принесенными на Кавказ извне – христианством и исламом, являющимися уже религиями развитого классового общества.

Автор характеризует не только обряды и религиозные верования, но и положение отдельных категорий населения и их взаимоотношения.

Особенно подробно описывает автор положение кавдасардов, детей от побочных жен. Осетинские старшины в системе института кавдасардов имели надежный источник рабочей силы. «В старину старшина, убивший своего кавдасарда, не отвечал никому и ничего не платил за кровь его, теперь это вывелось, но и до сих пор кавдасарды обоего пола с их потомством составляют достояние отца и его семейства. Отец может их дарить, продавать, закладывать; дочерей выдавать замуж и калым брать себе... Это весьма экономическая система, – заключает Шегрен, – собственным иждивением увеличивать число рабочих и семейств, в большей мере распространена между осетинскими старшинами» [15, 15].

А. М. Шегрен одним из первых в научной литературе охарактеризовал тяжелое положение горянки. Даже ее появление на свет вносило грусть в семью горца. Отец «не хочет праздновать рождение дочери, дочь у горца ни во что не ставится»... она «работает мужу всю жизнь как вол» [15, 12]. Такими словами определяет положение женщины исследователь.

В фондах архива Академии наук СССР в Ленинграде сохранилась рукопись А.М. Шегрена под названием: «Описание дигорского народа». В «Описании дигорского народа» Шегрен сообщает ценные сведения о земледелии в западной части Осетии в дореформенное время. «Хлебопашество, – подчеркивает автор, – у них очень трудно. Пахотная земля очень дорога, так что десятина стоит от 200-300 рублей. Внутренние дигорцы больше покупают у выходцев» [13, 29].

В 1837 г. на страницах журнала «Сын Отечества» была опубликована статья М. Ведениктова «Взгляд на кавказских горцев». Автор статьи Михайл Михайлович Ведениктов – полковник, полевой инженер, был помощником командующего грузинским инженерным округом.

Статья М. М. Ведениктова интересна в том отношении, что в ней впервые в русской науке выдвинут тезис о необходимости изучения народов, остававших в своем общественном и политическом развитии в силу сложившихся исторических обстоятельств. Это давало возможность, по мнению автора, реконструировать картину первобытного состояния человечества.

«Следовательно, – пишет М. М. Ведениктов, – к первоначальному составу народов надобно отнести черты сии, которые теряясь вовсе с введением гражданственности или принимая другие формы, укрылись в мрачных, неприступных ущельях Кавказа, неприкосновенные влиянию обстоятельств, предшествовавших образованности» [16, 23-24].

В решении вопроса о происхождении горцев М. М. Ведениктов придерживался передовых взглядов. «Как бы ни была превратна судьба народа, – писал автор, – всегда остается неизгладимая печать его происхождения, язык. Переходя от рабства к владычеству и обратно, народы оставляют обычаи своих предков, изменяют религию, нравы, теряют самое свое имя, но удерживают основание коренного языка» [16, 25].

Придавая большое значение языку как одному из основных компонентов этногенеза народа, автор в то же время указывал, что этногенез – проблема сложная, подлежащая ведению не одной, а многих наук. В этой связи он отмечает: «Предложения без основания, не подкрепляемые достоверными свидетельствами, только затмевают истину, особенно в описании края, мало известного.

Равномерно и археологические изыскания без других пособий не приведут к цели в отношении историческом: останавливаясь на одних названиях городов, рек, урочищ и других предметов, легко впасть в ошибку, самую грубую, ибо в языках, совершенно различных, найдутся слова, по звуку сходные, но имеющие разные значения» [16, 29].

Более подробно, чем другие авторы, М. М. Ведениктов описывает аталычество, вскрывая причины, вызывающие к жизни этот обычай. «Многие, – говорит автор, – из опасения изнежить ребенка в родительском доме, отдают детей своих от самого младенчества на воспитание своим правителям. Князя избирают для своих детей аталыков, преимущественно из подвластных им узденей, разумеется, богатых или имеющих вес в народе, или отдают совсем к другим племенам.

В этом обыкновении, кроме нравственной причины, кроется еще и политическая: князь, поручая своих детей подвластным ему, сближается чрез то с народом, приобретает любовь его и доверенность» [16, 49].

Крупный вклад в кавказоведение внес Семен Михайлович Броневский. Его труд «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе и его народах» содержит в себе общие исторические и географические сведения о Кавказе. В этой работе С. М. Броневский дал первую в истории русской науки общую характеристику общественного строя народов Кавказа. «Три главные вида правления, – пишет он, – монархическое, аристократическое и демократическое, известны так же на Кавказе» [17, 38]. Эти формы правления автор называет феодальными [17, 39].

Рассматривая вопрос о форме правления, автор пишет, что «абхазы, осетины, кисты, ингуши, чеченцы... управляются князьями и старшинами наследственно и частью старшинами по выбору» [17, 34].

Весьма примечательны сведения Броневского о положении крестьян. «Крестьяне хлебопашцы, или коренные жители Кавказа, есть многолюднейшее и полезнейшее сословие... Они, – по характеристике автора, – мало чем отличаются от русских крестьян в нравственном своем образовании: можно предполагать, что в скором времени сделались бы добрыми и трудолюбивыми земледельцами, если бы не угнетали их повсюду следствия феодального правления» [17, 48].

Семен Михайлович Броневский был человеком прогрессивных взглядов. На страницах своей книги он провозглашает, что «продажа крестьян почитается за великий стыд» [17, 49]. И это было сказано в России, небо которой, по образному выражению А. И. Герцена, было закрыто «тучами николаевского царствования» [18, 3].

Из краткого обзора материалов по истории изучения Осетии в русской науке видно, что начатая еще в XVIII в. работа по собиранию сведений и материалов по Кавказу и его народностям успешно продолжалась и в первой трети XIX в. Исследователи не ограничивались одним только сбором материалов, а выдвигали и пытались решать такие сложные вопросы истории, как проблема этногенеза осетин, развитие русско-кавказских отношений. Попытка П. Г. Буткова составить сводный труд по истории и этнографии Кавказа, хотя она и не была удачной, явилась в то же время немаловажным актом. Велика заслуга А. М. Шегрена. Его «Осетинская грамматика» стала на долго настольной книгой осетинской интеллигенции.

1. *Миллер Г. Ф.* О народах, издревле в России обитавших. СПб.: Типография Академии наук, 1773. 150 с.

2. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. В 13 т. М.: Наука, 1954. Т. 4. 675 с.

3. *Косвен М.О.* П. Г. Бутков как кавказовед-этнограф // *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М.: АН СССР, 1961. С. 149-155.
4. Архив РАН. Ф. 99. Оп. 2. Ед. хр. 11.
5. Северный Архив. Ч. 13. М., 1825.
6. Словарь географический Российского государства. Ч. 3. М., 1804. 1238 стб.
7. Статистический журнал. Т. 2. 1807. 242 с.
8. Русский биографический словарь. Т. 8. СПб., 1897. 756 с.
9. *Кокиев Г.А.* Осетины в начале XIX в. по наблюдениям путешественника Ю. Клапрота // Известия СОНИИ. 1948. Т. 12. С. 179-240.
10. Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. 320 с.
11. Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 11. СПб., 1836. 784 с.
12. *Шегрен А.М.* Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и российско-осетинским. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1844. 297 с.
13. Архив РАН. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 70.
14. Грамматика осетинского языка/под ред. Г.С. Ахвледиани. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1963. Т.1. 368 с.
15. *Шегрен А.М.* Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Оттиск из журнала «Маяк». Т. 7. Кн. 13, 1843. 32 с.
16. *Ведениктов М.* Взгляд на кавказских горцев // Сын Отечества. 1837. Ч. 188. №21-24. С. 21-59.
17. *Бронеvский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе и его народах. М.: Типография С. Селивановского, 1823. Т.1. 485 с.
18. Полярная звезда. Журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарева. В 8 кн. 1855-1869. М.: Наука. Кн. 1. Факсимильное издание (1855), 1966. 247 с.

Tsibirov, Gerlik I. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); soigsi@mail.ru

Ktsoeva, Sultana G. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); sultana_t@mail.ru

FORMATION AND DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC OSSETIAN STUDIES OF THE XVIII – FIRST THIRD OF THE XIX CENTURIES.

Keywords: *scientific Ossetian studies, Russian Academy of Sciences, I. A. Guldenshtedt, A. M. Shoergen, G. Yu. Klapproth.*

The article analyzes the process of formation and development of Ossetian studies as a direction of scientific research. The fundamental contribution in this direction belongs to Russian scientists of the fourth quarter of the 18th-first third of the 19th centuries. The strengthening of Russia's ties with the North Caucasus in the last third of the 18th century, the annexation of North Ossetia to Russia in 1774 allowed Russian science to lay a solid foundation for Ossetian studies as one of the components of scientific Caucasian studies. Thus, it can be argued that scientific Ossetian studies in Russian science originates from the 70s of the 18th century. It was from this time that the systematic collection of various materials about the life and life of the Ossetians began, attempts were made to generalize these materials. The article highlights the role of the Russian Academy of Sciences in the formation and development of scientific Caucasian studies, analyzes the contribution of the participants of the Academic Expeditions in collecting valuable material about the life, customs, economy and social relations among the peoples of the Caucasus, including the Ossetians. An assessment is given to the information about the Ossetians reported by I. A. Guldenstedt, P. S. Pallas, V. M. Bakunin, I. Bolgarsky, J. Reineggs, P. G. Butkov, A. M. Shegren, G. Yu. Klapproth and others: they are distinguished by the richness and variety of factual material, mostly reliable; complementing each other, give an overall picture. When studying various aspects of the life of the population, the authors conducted personal observations, used information from knowledgeable persons – representatives of the local administration, the clergy and others. The accuracy of the information reported by the authors in a number of cases is confirmed by comparing them with official documents and later literary sources.

For citation: *Tsibirov, G. I., Ktsoeva, S. G. Formation and development of scientific ossetian studies of the XVIII – first third of the XIX centuries. KAVKAZ-FORUM. 2023, iss. 14 (21), pp. 90-104. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.21.14.004*

References

1. Miller, G. F. *O narodakh, izdrevle v Rossii obitavshikh* [About the peoples who lived in Russia since ancient times]. St. Petersburg, Tipografya Akademii nauk, 1773. 150 p.
2. Belinskii, V. G. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. Moscow, Nauka, 1954. 675 p.
3. Kosven, M. O. *P. G. Butkov kak kavkazoved-etnograf* [Butkov as a Caucasian ethnographer]. *Etnografiya i istoriya Kavkaza* [Ethnography and history of the Caucasus]. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1961, pp. 149-155.

4. *Arkhiv RAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences]. Fund 99. Inventory 2. Storage unit 11.
5. *Severnyi Arkhiv* [Northern archive]. Pt. 13, Moscow, 1825.
6. *Slovar' geograficheskii Rossiiskogo gosudarstva* [Geographic dictionary of the Russian state]. Pt. 3, Moscow, 1804. 1238 col.
7. *Statisticheskii zhurnal* [Statistical log]. Vol. 2. 1807. 242 p.
8. *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian bibliographic dictionary]. Vol. 8, St. Petersburg, 1897. 756 p.
9. Kokiev, G. A. *Osetiny v nachale XIX v. po nablyudeniya puteshestvennika Yu. Klaprota* [Ossetians at the beginning of the 19th century. according to the observations of the traveler Y. Klaproth]. *Izvestiya SONII* [Proceedings of the North Ossetian Research Institute]. 1948, vol. 12, pp. 179-240.
10. *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov* [Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. 320 p.
11. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. Pt. 11. St. Petersburg, 1836. 784 p.
12. Shegren, A. M. *Osetinskaya grammatika s kratkim slovarem osetinsko-rossiiskim i rossiisko-osetinskim* [Ossetian grammar with a short dictionary of Ossetian-Russian and Russian-Ossetian]. St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1844. 297 p.
13. *Arkhiv RAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences]. Fund 94. Inventory 1. Storage unit 70.
14. Akhvlediani, G. S. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka* [Grammar of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963, vol. 1. 368 p.
15. Shegren, A. M. *Religioznye obryady osetin, ingushei i ikh soplemennikov pri raznykh sluchayakh* [Religious ceremonies of Ossetians, Ingush and their tribesmen on different occasions]. *Ottisk iz zhurnala «Mayak»* [Print from the magazine «Mayak»]. 1843, vol. 7, b. 13. 32 p.
16. Vedeniktov, M. *Vzglyad na kavkazskikh gortsev* [A look at the Caucasian highlanders]. *Syn Otechestva* [Son of the Fatherland]. 1837, pt. 188, no. 21-24, pp. 21-59.
17. Bronevskii, S. M. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze i ego narodakh* [The latest geographical and historical news about the Caucasus and its peoples]. Moscow, tipografiya S. Selivanovskogo, 1823. 485 p.
18. Gertsen, A. I., Ogarev, N. P. (eds.). *Polyarnaya zvezda* [Polar Star]. V 8 kn. [In 8 books]. 1855-1869. Moscow, Nauka. Book 1. Facsimile edition (1855), 1966. 247 p.